

шарлатан, взявшись излечить его от какой-то детской болезни, не дал ему снадобья, от которого у него отнялись все члены, кроме языка и еще кое-чего, что вам, должно быть, понятно; по крайней мере, из дальнейшего ясно, что этому вполне можно верить. С тех пор он сидит на стуле, укрытый сверху, и может двигать только пальцами, в которых держит палочку, чтобы иметь возможность чесываться; видом своим он на волокиту отнюдь не похож. Это не мешает ему то и дело отпускать шутки, хотя боли почти никогда его не покидают; следует, пожалуй, считать чудом нашего века, чтобы человек в подобном состоянии, к тому же еще и бедняк, мог так смеяться, как он.

Более того, этот человек еще и женился. Он говорил Жиро, которому передал свою пребенду² в Мансе: «Найдите мне женщину, которая бы дурно вела себя, дабы я мог называть ее шлюхой и она бы на это не обижалась». Жиро однажды ему указал на компаньонку матери г-жи де Лафайетт. У этой девицы был ребенок, и она так и не стала возбуждать дело против конюшего, который был его отцом; но Скэррон только рассмеялся в ответ. Впоследствии он составил договор о передаче Жиро своей пребены и, собираясь поехать в Америку, где он надеялся поправить свое здоровье, женился на тринадцатилетней девочке, дочери одного из сыновей историка д'Обиньи* (этот д'Обиньи младший, сьер дю Сюрино, убил свою жену за распутство. Женившись против воли отца, он был лишен наследства; отплыл в Индию, и, я полагаю, дочь его родилась именно там).

Потом Скэррон изменил свои намерения. Это обошлось в три тысячи ливров, которые он вложил в торговую компанию; види, что дела там идут плохо, он в Америку не поехал.

Однажды он сказал жене: «Прежде чем стать тем, что мы сейчас собою представляем, а мы представляем собою не бог весть что, и т. д.». У нее за душою не было ничего; ее кузены д'Обиньи жили на ее счет. Впоследствии Генеральный прокурор Фуке, который занимает также должность Суперинтенданта финансов, назначил Скэррону пенсию; этому человеку правятся шуточные стихи.

При всей своей нищете Скэррон из дружбы поддерживал Селесту де Палео, девицу из азиатной семьи, которая проиграла процесс против Роже, сделавшего ей ребенка; Скэррон приютил ее у себя, пока она не удалась в монастырь.

Скэррон говорил, что женился, дабы видеть людей, иначе, мол, никто бы его не навещал. И в самом деле, жена его со временем сделалась весьма приятной женщиной. Он говорил также, что, вступая в брак, надеялся изменить дарственную на свое имущество, которую он составил в пользу родителей; но, мол, для этого надобно, чтобы кто-то сделал ре-

* Чтобы взглянуть на Скэррона, ей приходилось сильно наклоняться и даже вставать на колени.